

Ольга Литаврина

Сиреневый туман

Ольга Литаврина
Сиреневый туман.
Сборник стихотворений

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=23864249

ISBN 9785448384158

Аннотация

В новый сборник Ольги Литавриной «Сиреневый туман» вошли как ранее изданные, так и новые стихотворения. По словам Льва Аннинского, поэзия Ольги Литавриной очень личная. Это разговор о самом сокровенном, о детстве и юности, родных и любимых людях, о горестях и радостях, предательстве близких, радужных надеждах и несбывшихся мечтах, о Боге, о беспокойном мире, о братьях наших меньших... Ее поэзия – это она сама, это сама жизнь. Для широкого круга читателей.

Содержание

МАГИЯ СЛОВА	6
В начале было слово	7
Белошвейка	9
Дорога сердца	10
Затерянные души	11
Северная сага	12
Мир слов	13
ФИЛОСОФСКИЙ КАМЕНЬ	14
«Белый храм» от Юкио Мисимы	15
Кукольный театр	16
По ком звонит колокол	17
Сестрица	18
Спасение утопающих	20
Чужая невеста	21
«Я своей судьбе сдаюсь на милость...»	22
Болтун	24
Великий Рим	25
Оберег	27
Сэлинджер: Ловец во ржи	28
«Тайны слов привычный глаз не видит...»	29
Ящик Пандоры	31
«Это – было. То – приснилось...»	32
Взрослые игрушки	33

Ин вино веритас	35
Кошкин дом	36
Санний путь	37
Сиреневый дым	38
Тонкий мир	39
Февральский снайпер	41
Ландскнехт	43
Лебединое озеро	44
Майские цветы	45
Хлеб насущный	46
ЛЮБОВНОЕ ЗЕЛЬЕ	47
Половинки	48
Прохожие	49
Веточки вербы	50
Дела житейские	52
Конец ознакомительного фрагмента.	53

Сиреневый туман

Сборник стихотворений

Ольга Литаврина

Иллюстратор Наталья Баженова

© Ольга Литаврина, 2017

© Наталья Баженова, иллюстрации, 2017

ISBN 978-5-4483-8415-8

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

МАГИЯ СЛОВА

В начале было слово

Я в богемной тусовке ничем не блещу:
В этом круге я мало известен.
Я, как все, на любимой земле
погощу —
И откланяюсь, с ближними вместе...
Не гоняюсь за славой, за треском
похвал —
Большей частью их совестно слушать.
Я прилежно ищу золотые слова, —
Те, которые вывернут душу!
Я хожу на работу, спускаюсь в метро, —
И опять прорастает тревога.
Кто устроил для Слова изысканный
трон
И в сердцах приравнял его к Богу?
Привороты; присухи; базарная брань;
Где он, жемчуг на мусорной куче?
У меня на окне зацветает герань:
Я о ней не забочусь – так лучше...
Я – как все. Мне с обычной толпой —
по пути.
Что мне рыпаться – к звездным чертогам?
Я не знаю куда – но обязан идти:
Выворачивать душу, чтоб Слово найти, —
То, которое сделает Богом!

Белошвейка

Я – белошвейка: шью слова, как платье.
Печально, что не всем они к лицу.
Кто выскажет хвалу, а кто – проклятье
По-детски неумелому творцу.
Ему – не к месту накладные плечи,
А ей – неповоротливый корсаж.
И – нити слов немислимых наречий
По-новому ваяют телеса...
Мир кажется загадочным и новым;
Цари царей нисходят в мой чертог!
Как в Библии: вначале было Слово,
И в тайне слова появился Бог!
Я шью на всех, всерьез, не понарошку,
Я даже ночью достаю иглу:
Снимаю ежедневную рогожку —
И шью наряд, что вспыхнет на балу!
Как Золушке, на старенькой кровати,
Мне стоит оторваться на часок —
Разбудит страх: а если слов не хватит?
Кто разошьет мой тонкий поясок?
Здесь размещаю петли, там – крючочки;
Я берегу послушную иглу!
Не обижайтесь, мачехины дочки, —
Моя звезда зажжется на балу!

Дорога сердца

Не выбирай стезю поэта:
Здесь нет ни славы, ни похвал!
Слова не отражают света
Горящих глаз, хрустальных зал...
Здесь по пятам крадется зависть:
Дорога сердца – не сладка!
Как ядовито зреет завязь
Внутри домашнего цветка...
Здесь друг – заведомый предатель,
А радость – слабый огонек.
Здесь добрых слов никто не тратит,
И каждый искренне жесток!
Черт с ним! Пиши, кусая губы,
Пока слова терзают рот.
Здесь люди злы и души грубы;
Но здесь настанет твой черед.
И, если хочешь – стань поэтом,
Назло – и горю, и уму!
Ты пишешь? Не жалея об этом!
Ты будешь взыскан божьим светом —
И мир доверится Ему...

Затерянные души

Я – сочинитель простодушный —
Всем графomanам вопреки!
Мне в замкнутом пространстве душно,
И стая слов моих послушных
Перегрызает поводки...
Мы – Ихтиандр и Гуттиэре —
Разделим радость и любовь!
Твой голос – сладкий голос пери,
И нам одним открыты двери
В чертоги света, в царство слов...
Дай руку. Мы – на прочной связке:
Никто из нас не упадет!
А в книгах – грустные развязки;
И сами мы не верим в сказки:
Весна начнется – и пройдет...
Наш край в чужой стране затерян;
Горька дорога в царство слов!
Но – я на страже, Гуттиэре,
Не бойся, не считай потери!
Мы в жизни все во что-то верим —
Хотя бы в радость и любовь...

Северная сага

Я кладу в портфель бумагу,
Я в иглу вдеваю нить.
Мне бы северную сагу
Ненароком сочинить!
Про обитель дев суровых,
Их каменья из ларца;
И полет валькирий новых
В ледяном окне дворца...
Только хмурится все жальче
Мой озябший карнавал...
Напридумываю фальши,
Чтоб никто не задевал!
Чтоб не ждать от Лорелеи
Ни посылки, ни письма.
Чтоб сады Гипербореи
Не свели меня с ума...
Впрочем, можно без бумаги
Заплести язык живой!
Я сошью сюжет для саги —
Лучше парки меховой!
Сочиняю, развлекаю,
Точно фокусник земной.
И ношу, подобно Каю,
В сердце сгусток ледяной...

Мир слов

В Слове – мир несуетного смысла.
Быть игрушкой – Слову не к лицу.
Оттого-то мы играем в числа,
Поклоняясь цифре, как Творцу...
Дважды два – и все как на ладони!
А в словах – дыханье глубины...
Как сказал киношный Электроник,
«В цифре – жизнь. Друг другу мы нужны!»
Умный робот умножает цифры,
Морща антикоррозийный лоб.
Где же вы, загадочные шифры
Древних языков, забытых слов?
Не ищите в нашей жизни смысла.
Исчезают мудрость и тепло...
Мы, как дети, заигрались в числа.
Мы не доросли до мира Слов.

ФИЛОСОФСКИЙ КАМЕНЬ

«Белый храм» от Юкио Мисимы

Рюмка чая. Юкио Мисима?
Малый теннис – шарики лови!
Мы идем по этой жизни – мимо —
Радости, надежды и любви.
Вроде как – идем со всеми рядом,
Торопливо дух переводя.
У Мисимы – храм с вишневым садом
Старятся и плачут от дождя...
Нас учили – все когда-то будет:
И любовь, и верность. Как в кино!
В розовом саду смеются люди
В шелковых расшитых кимоно...
В настоящей жизни – все иначе.
Старый храм. Сгорели чертежи.
Витражи высоких окон плачут.
От земли до неба – витражи...
Как спортсмены в долгом марафоне,
Мы бежим по ниточкам дорог...
Роемся в айпаде и айфоне:
Врут планшеты. Все имеет срок.
Кажется, что мы – неутомимы.
Малый теннис – детская игра!
...Сад вишневый. Белый храм Мисимы...
Все проходит. Скоро нам пора.

Кукольный театр

Все как всегда: народ обманут;
А кукловодам – торжество!
На свете каждого помянут
По отголоску дел его...
Неотразимая реклама
Спешит навесить ярлыки...
Ах, дети, не зовите маму:
Вас засекут боевики!
Вооруженье суперкласса —
Недаром скинулся народ!
Забором пушечного мяса
Власть защитилась наперед.
За океаном босс, тот самый,
Готов на всех надеть узду!
Там мальчик, темный, как Обама,
Попал под пули на ходу...
Не стоит, кажется, об этом,
В подтексте точки и тире!
Народ ютится в черном гетто
И попадает под обстрел...
Народ, как водится, обманут;
Омыто кровью торжество...
Так надо. Каждого помянут
По отголоску дел его...

По ком звонит колокол

Жизнь – как карты. Кто-то в них играет,
А ошибки ставят нам в вину.
Менестрель иголки собирает,
Прославляя полную луну...
Помню, в школе девочка дразнила:
Рыжая смешная егоза...
В Книге судеб высохли чернила, —
Неужели нет пути назад?
Времена политиков и судей.
Люди – что? Расходный матерьял!
Кто сказал – мол, «несудимы будем»?
Или это около вранья?
Мы, как тонны пушечного мяса,
Жаримся на собственных кострах.
Мы питаем ненависть – как масса.
А поодиночке – просто страх.
Что нам дети, садики и школы?
Оглянитесь – вся земля в огне!
Колокола голос невеселый
Плачет. По тебе или по мне?
Где найти такую силу света
И такой немислимый эфир,
Чтобы – на минутку! – вся планета
Замерла – и выдохнула: «Мир!»

Сестрица

Я пришла на свет в седьмом роддоме,
На московской улице Арбат.
Тот младенец, – в яслях, на соломе, —
Мой названный, мой молочный брат.
Жизнь сама дошла до середины,
Как у Данте – в сумрачном лесу.
На висках кудрявятся седины;
Плющит совесть некий Страшный суд...
Шли со всеми, только что не бродом:
Через омут и круговорот.
Мы с моим обманутым народом
По крупице двигались вперед...
Умывались кровью и слезами,
Наглotalись тины в глубине.
Только мальчик с синими глазами
Все смотрел с иконы в душу мне...
Что икона? Яркая картинка —
Как лубок, знакомый и смешной!
Но законы западного рынка
Обошли нас мимо, стороной.
Время, как обычно, все итожит.
Жизнь – такая сложная игра!
Только каждый день, что мною прожит,
Мы прошли вдвоем, названный брат!
Кто придумал в этом мире казни?

Почему не стало тишины?
Мне бы – без вранья и без боязни —
Чтоб в помине не было войны!
Разных армий разные погоны;
На полях – тяжелых танков след...
Мальчуган со старенькой иконы
Ничего не говорит в ответ...

Спасение утопающих

Я не люблю зазря играть словами.
Кому грозит их снайперский прицел?
Июнь. Сирень. Сиреневое пламя...
Мне наплевать, что будет там, в конце!
Мой летний день по-прежнему бесценен.
Я присмотрю бульварную скамью.
Идет второе действие на сцене, —
А я – вовне: поскольку мало пью.
Толпится люд в обычном переходе
И замирает, выходя на свет.
Что ссориться – при такой погоде?
Давайте всласть валяться на траве!
Пусть будут протокол за хулиганство,
Пятнадцать суток и нехилый штраф!
Я знаю – он проснется, ветер странствий,
От коего не лечат доктора...
Пусть всем хватает радости и горя;
Я, как матрос, снимаюсь со скамьи.
Я поплыву в неведомое море —
Спасать слова – мои и не мои...

Чужая невеста

Затянуло время крепче паутины.
Не успел родиться – а уже поминки!
Помню, нас позвали к брату на крестины
В малую церковку на углу Ордынки.
Тридцать два сравнялось – мало или много?
Порешил, надумал – что теперь рядиться!
Невесомый крестик. Дальняя дорога.
Как на новом месте заново родиться?
Брат любил учиться, преуспел в карьере.
Где-то за границей у него невеста.
Не пошла венчаться – в Бога, мол, не верю!
Несусветно дико – хорошо хоть, честно...
Нездоровый, серый – воротился братка.
Прямо из больницы заказали место:
На Донском погосте – низкая оградка...
Так и не сложилось показать невесту.
...Пропеют молебен в церкви на Ордынке.
Мне всего наследства – старый братнин
крестик.
Разожгу я свечи. Соберу поминки.
Спи, мой ненаглядный, на родимом месте!

«Я своей судьбе сдаюсь на милость...»

Я своей судьбе сдаюсь на милость:
Жизнь – лошадка. Ноги в стремяна...
Разве вправду – все уже случилось?
Кем, кому объявлена война?
Я – как все: работа – дом – работа.
Тапочки домашние. Семья.
Все при мне. Недостает чего-то, —
Будто жизнь – моя и не моя!
Мужики, как водится, не плачут.
Выпиваю к месту – ерунда!
Не горюй, соседочка по даче;
Встретимся – какие нам года!
Говорят, на солнце – тоже пятна.
Мяснику нельзя в калачный ряд.
Мне бы хоть на пять минут обратно,
В желто-золотой соседский сад...
Кто плетет мою судьбу на спицах?
Это в фильмах говорят без слов.
Тянет сердце. До утра не спится.
Первый камень. Первая любовь...
Время на часах остановилось.
От браслета чешется рука.
Или вправду – в жизни все случилось

И нельзя бежать из тупика?

Болтун

Июньский полдень. Золотой владыка!
Я – настоящий лжец и балагур.
Мне стало скучно. Жизнь моя безлика,
Как в шахматах у младшей из фигур...
Пять дней в неделю – ноутбук, работа,
Любимый энергетик в рюкзаке.
А дальше – долгожданная суббота,
Как повод попрощаться налегке.
На службе нет друзей – одни коллеги, —
И тянет прогулять корпоратив.
Шьет Лето паутинки-обереги...
Пуск. Камера. Смотрите в объектив!
От нас на свете мало что зависит.
Май кончился. Не бойся. Не зови...
Я не учу закон обратных чисел,
Мне проще исполнять закон любви...
Июнь пресветлый! Летний мой владыка!
Разгадка чисел – миссия твоя.
Кто говорил, что наша жизнь безлика?
Мы пополняем книгу Бытия...

Великий Рим

Сенатор, медленно хмелея,
Велел подлить вина в бокал.
«Жаль, в государстве Идумея
Нет римских подданных пока!
Перед тобой, великий кесарь,
Склонился Иерусалим.
Патрицианки и метрессы
Несут свой мед в прекрасный Рим!
Пусть ни один твой раб не смеет
Болтать на чуждом языке!»
И только стены Идумеи
Стоят на камне и песке...
Раздоры, войны и мытарства
Остались в прошлом – навсегда.
Живет неведомое царство, —
Не покоряясь, как вода...
Великий кесарь сдвинул брови,
Нахмутив бледное чело:
«Я не сторонник лишней крови!
Мне вот что в голову пришло:
Мой Рим державный всех сильнее,
И суд его есть правый суд!
Пошлю посланцев к Идумее
И лучших ядов припасу».
Семнадцать юношей горячих,

Благодаря тугой казне,
Пустились слепо, наудачу,
К далекой сказочной стране...
Шли годы. Возводились стены.
Питались слухами умы.
И – кесарь, мудрый и бессменный,
В свой срок сошел в обитель тьмы.
А те, кто был хмельным и юным,
В крови остались на траве,
Когда вошли в ворота – гунны,
С Аттилой хмурым во главе.
Пал новый кесарь. Пал сенатор.
На мертвце лежал живой.
Рим, как побитый гладиатор,
Поник повинной головой...
Послы дошли до Идумеи;
Там родились их сыновья;
И зря тогда старались змеи —
Не послужил их страшный яд!
Шли дни. Таинственные силы
Мир Идумеи берегли.
И только в сказке можно было —
Тайком от Рима и Аттилы —
Назвать пароль чужой земли...

Оберег

День пасмурный, день дымчато-лиловый:
Мой свет – Июль!
Обереги меня – от злого слова,
От войн, от пуль.
От клеветы, от сплетни, от раздора
Храни мой дом!
Смотрю, как любопытная Пандора,
В ларец со злом...
Храни меня – от лозунгов протестных,
Как от ножа!
От смерти. От наследников безвестных.
От дележа.
Не искушай обманом и изменой.
Не прячь лица!
И в Судный день позволь склонить колена
У ног Творца...
Напомни строки Нового Завета
На злобу дня...
От этого мучительного лета
Храни меня!

Сэлинджер: Ловец во ржи

Не суди меня, мой ангел божий, —
Я одна – над пропастью во ржи.
Все бывает – мой мираж ничтожен,
И нелепа суетная жизнь.
Как у всех – уборки, стирка, кухня.
Без любви – зато своей семьей.
Скоро мой песочный замок рухнет.
Мне неважно: дело не мое.
Заучу Ваш горький стих, Есенин, —
И уйду – по желтым кудрям дня.
Ангел света, данный во спасенье,
Видно, отказался от меня...
Птицы распевают трель за трелью.
Им вольготно: им не до меня!
Тонкий мальчик с золотой свирелью
Мне диктует стих – на злобу дня.
Я снимаю башмаки в прихожей.
Открываю окна – прямо в жизнь.
Что поделать: я простой прохожий, —
Слово колет, как игла, – до дрожи.
Помогите мне, Ловец во ржи!

«Тайны слов привычный глаз не видит...»

Тайны слов привычный глаз не видит,
И на трон возводится Число.
Если Бог талантами обидит —
Изучу хотя бы ремесло!
Как решить – кто низок, кто достоин?
В жизни все закручено хитро!
Силой слов вооружусь, как воин,
Чтобы лучше защитить Добро!
Изучу тона и полутоны,
Песню гласных, музыку слогов:
Пусть везде настроят камертоны
На надежду, веру и любовь.
В ремесле я точно буду мастер!
Только это – горе от ума.
Не пробиться искреннему счастью
Через горы пластика в дома.
Помнишь, Коля, детскую считалку —
О портном, крыльце и короле?
Пластик трудно выбросить на свалку —
Он не разлагается в земле!
«Реквиемом» бредят музыканты;
Но его не слышит взрослый век.
Господи! С талантом, без таланта, —

Дай мне сил – прожить как человек!

Ящик Пандоры

Забытая детская. Свалка игрушек.
У детства – довольно обычный сюжет.
В нем нет ни Того, кто спасет наши души,
Ни лика Мадонны в цветном витраже...
Значение Слова. Судьба – как подстрочник:
Старинные буквы. Другой алфавит.
Все души – созвездие радужных точек
В ладонях у Веры, Надежды, Любви...
Нам с детства твердили: нет высшего Бога!
Всевластный Хозяин земли – человек!
И снились поэтам колонны чертога,
Который разрушил титановый век...
Ах, боги земные не чужды раздора;
Земные интриги у них на уме!
Отрыла серебряный ящик Пандора,
И вырвались меч и голодная смерть...
И чтобы не вывелось мясо для пушек,
Чтоб было кому присягать на крови,
Скитаются в мире железные души,
Пустые: без Веры, Надежды, Любви.

«Это – было. То – приснилось...»

Это – было. То – приснилось.
Это есть, а то – прошло.
Помири нас, Божья милость,
Нам на свете тяжело!
Тяжело прощать обиду, —
Лучше лезть за друга в бой!
Мы похожи только с виду —
Каждый с собственной судьбой.
Пересуды, ссоры, драки...
Выбирай, – твердит молва.
Что уместней – жизнь собаки —
Или реквием для льва?
Что важней – служить Маммоне
Или сущему Творцу?
Гамлет верен не короне,
А терновому венцу...
Время движется в дозоре.
Все начнется и пройдет.
Сколько есть на свете горя?
Сколько нам перепадет?
Наше солнце закатилось,
Точно саночки с горы.

Взрослые игрушки

Летом окна в доме день и ночь открыты.
Тянется шиповник с пышного куста...
Мы – не моралисты, не антисемиты.
Жаль бедняг евреев: продали Христа.
Впрочем, что евреи? И своих в достатке.
Словно в «гитлерюгенд» мальчиков
растят!

...У осенних яблок – вкус
медово-сладкий:

Будут с урожаем август и сентябрь.
Правые – на левых. Левые – на правых.
Братья-мусульмане – против христиан.
Кажется – игрушки, детская забава.
Можно понарошку влиться в чей-то стан.
И хитрец Иуда думал – понарошку, —
Ввязываясь с Роком в тайную игру.
Квасом и сметаной я залью окрошку.
Свежая окрошка – лучше нет в жару!
Взрослые играют в тысячи игрушек:
Танки, самолеты – все пойдет в игру...
Выстрелы ударят – словно треск
хлопушек:

Миновали сына – значит, я умру...
Не ругай нас, мама, – незачем браниться!
От чужих застолий – кругом голова.

Сребреников было – помнишь? —

ровно тридцать.

Умирать – не страшно. Страшно убивать.

Ин вино веритас

Есть истина во всем – в неоновой рекламе,
В походе января, встречающего год.
И в том, как кавалер подносит розы даме,
А Золушка – опять – ночной кареты ждет...
Судьбой расписан свод нерукотворных
правил:
Как верить, как любить, как соблюдать закон.
И если вас хоть раз неверный друг оставил —
Не сетуйте: вердикт ему произнесен.
Есть правда – в мишуре, в цветных игрушках
елок,
В кругу веселых лиц у вкусного стола.
Но где-то в зеркалах теряется осколок,
Который мать-Зима для Кая припасла...
А дальше – правда есть в похмелье и трезвянке,
Измученных гостях, что отставляют дом.
В Лапландии живут серебряные санки
И окна по утрам затягивает льдом.
У жизни правил нет. Как белая горячка,
Она скует кольцо из страхов и тревог.
Но – в кухонном шкафу, наверно,
есть записка, —
Пусть оживет душа. А там – всему свой срок!

Кошкин дом

Надоело плакаться в жилетку
И твердить про свой последний час.
Снайпер-жизнь стреляет зло и метко.
Я надеюсь, пули – не для нас!
Надоело быть мудрей и выше.
Просто я такая же, как все.
Кошкин путь – по раскаленной крыше;
Дом ее – в нейтральной полосе...
Надоело рисовать незрячим
И рыдать в подушку по ночам!
Есть семья. И есть работа. Значит,
Стыдно врать, что все вперекосяк.
И не стоит жаловаться, братцы, —
Мол, живем в лихие времена!
В Новый год положено влюбляться:
Жаль, что эта сказка – не для нас...

Санний путь

У всего на свете есть границы.
Космос невозможен без Земли.
Я – приезжий. Я – из заграницы.
Свой в кругу официальных лиц.
А в Сибири мчат по снегу нарты.
Кто проспорил – эти или те?
Мир – игрушка. Козырная карта
За столом у киевских властей...
Сам П. П. ведет переговоры,
И ему грозит далекий босс.
Европлатье нам, увы, не впору.
Кто во всем виновен – вот вопрос!
Евродом – сплошные доброхоты.
Но не верь, не бойся, не проси!
Снайпера, майданы, пулеметы...
Запретить поездки и полеты —
Взрезать вены Киевской Руси...
Черный ящик. Минск. Переговоры.
Узкий круг официальных лиц.
Свет – театр; люди в нем – актеры.
Нажимайте кнопки, режиссеры!
У войны – и мира – нет границ...

Сиреневый дым

По торной дороге, по краю чумы,
Бредем мы слепцами на связке...
Мы были как боги, свергая умы
Без прений и лишней опаски.
Мы – парни-огонь, молодцы – хоть куда;
Мы – грудью. За благо народа!
Но стонет в сиреновой гари майдан:
В сиреновой гари – свобода...
Мы больше не боги! Мы ищем Творца,
Блуждаем путем непреложным.
На страшном суде Золотого Тельца
Мир взвешен – и признан ничтожным.
Нельзя в одиночку – и вместе нельзя.
Европа ворчит: «Нищebroды!»
Отеческим дымом нам выжгло глаза, —
Сиреновой гарью свободы...

Тонкий мир

Этот мир – нематерьялен.
Он – не горек и не сладок.
Он не липнет, как конфета,
И, как дым, не ест глаза.
Но – насколько он реален, —
Ты поймешь из тех загадок,
Что разгадывать – непросто;
Не разгадывать – нельзя!
Мир несказочных улыбок,
Ненавязчивых касаний.
Не поймать, как стайку рыбок,
Не сложить, как натюрморт.
Силуэт Надежды – гибок.
Но летят по снегу сани.
Мчит за Золушкой карета —
Бог возница или черт...
Мир смешных полууловок;
Рать теней в небесной ставке,
Где идет у сердца с сердцем
Бесконечный разговор...
Кто не любит – тот неловок,
Точно слон в посудной лавке,
Где малиновые брызги
Сеет по полу фарфор.
Дом, работа, муж и дети:

Беготня, нужда и скука!
Не робей, моя сестренка,
Что недостатка – ни гроша:
Тот, любимый, на рассвете
Сам тебе протянет руку.
И без слов ему ответит
Неизменная душа...

Февральский снайпер

Не стоит плакаться в жилетку:
Нет тех, чья жизнь не дорога!
Февраль по нам стреляет метко.
Мы отвечаем наугад.
Мы сыты сказкой новогодней
И блеском елочных гирлянд!
Когда начнется год? Сегодня.
С чего начнется? Да с нуля.
Семья, работа и карьера —
Пустышки. Замки из песка.
Нам нет опоры. Даже вера
Горит звездой издалека...
Любовь? Случайные любви!
Тепло? Улыбчивый оскал.
Развесим флаг на честном слове —
В воротах замка из песка.
А враг уже ползет в ворота,
У осажденных гаснет пыл.
Незримый кто-то, вечный кто-то
О нас, как водится, забыл.
Мне страшно – потерять работу
И вдрызг рассориться с женой...
Спасай, февральская суббота!
Я не один, раз ты – со мной!
Нет смысла – плакаться в жилетку

И хмурить брови на лице!
Февральский снайпер целит метко,
И злобно скалится прицел.

Ландскнехт

И снова месят сапоги
Сырую грязь вблизи жилья.
Не берегись! Не береги
Свой голос в шуме бытия.
Не бойся встать не с той ноги.
Пусть будет шаг тяжел и груб.
Не берегись! Не береги
На кружках отпечатки губ.
Пора нам! Розданы долги.
За первой кровью – снова кровь.
Не берегись! Не береги
Надежду, веру и любовь...
Друзья – такие же враги!
Не верь им – просто берегись!
И в самом сердце береги
Свой мир. Свой дом. Живую жизнь...

Лебединое озеро

Мы с Россией, точно иностранки,
Без плащей на мартовском дожде!
Встрепанные серые подранки
Выросли из белых лебедей...
У меня в шкафу лежат игрушки,
Новенькие – некому играть!
С Русью мы – провидицы-старушки —
Странствуем дозором по дворам...
Путь поэта – или путь мессии?
Каждый у кого-нибудь в долгу.
От тебя, моя купель, Россия,
Оторваться сердцем не могу...
Радужная сказка – заграница.
Родина – венчальное кольцо!
Там, в Европе, – неживые лица
Скалятся на русское лицо...
Душно сердцу без смешной тальянки,
Скучно – гостем на чумном пиру!
Есть в России лебеди. И танки.
Этим мы и держимся в миру.

Майские цветы

Майская высокая трава —
Как ковер – салатный и зыбкий.
Не учитесь подбирать слова,
Не судите ближних за ошибки.
Нет вождей, пророков. Судей нет.
Мы – песчинки на ладонях Бога.
Мы живем в сказочной стране,
Недалекой от Его чертога.
Память гнется тонкой тетивой,
Колет слово грубое в беседе...
С этим маем, с ласковой травой
Станем жить как добрые соседи!
Если в этом мире есть любовь, —
Понесем ее – от сердца к сердцу!
Снова льется праведная кровь,
На кострах горят инаковерцы...
Нет ее – и все наоборот.
Люд гонимый тянется в Россию.
Чье же Слово мир перевернет,
Утверждая нового мессию?
Мы привыкли верить и страдать.
Без потерь не будет обретенья!
Молодые яблони в садах
Дарят людям белый снег цветенья...

Хлеб насущный

Как оторваться от земли;
От слез; от сплетен неумелых;
Трибунов – красных или белых;
От миражей, чей свет – вдали?
От незаслуженных обид;
От суеты бесцельных странствий;
От одиночества в пространстве
И злобы, что осой язвит?
От ссор семейно-бытовых
И неоконченных любовей.
Как уберечь свой хрупкий стих —
У губ, искусанных до крови?
От мира слуг – и королей;
От безнадеги; от прощаний?
Ведь сердце тянется к земле —
И рвется, не прося пощады...
Мне неуютно жить в миру;
Но лучше так, чем бредить небом!
Придите к моему костру —
Он станет нам насущным хлебом...

ЛЮБОВНОЕ ЗЕЛЬЕ

Половинки

Мы уходим – по дороге в Зиму:
Времени нельзя остановить.
Радость и тепло проходят мимо;
Осень рвется, как гнилая нить...
На холодном зимнем пароходе
Белой краской крашены борта.
Ноябри, метели – все проходит;
Все, как говорится, суета...
Мы мечтали встретить половинки!
Не сошлось – а значит, не судьба.
От дыханья намерзают льдинки;
Даже слово мерзнет на губах...
Только суть не в том, что снег насыпан;
Что в подъезде – дьявольский сквозняк.
Просто я болею птичьим гриппом
И никто не навестит меня...
В жизни – и в любви – необходимо
Заново прокладывать пути!
Не зови меня своей любимой!
Я болею. Дни уходят в Зиму.
Замерзает сердце, – ты прости!

Прохожие

Мы с тобой – похожи – непохожи:
Ходим вместе – только без любви.
Я – такой же, как и все, прохожий.
Временный попутчик. Визави.
Мы встречались в самом центре зала
На зеленой линии метро.
Было – все путем. Всего хватало.
Даже вкуса – в пузырьках сидра...
Каждый год мы обновляли планы:
Убегали в отпуск – от родных.
Помню – свежий аромат тимьяна
С мятной ноткой зимней тишины...
Есть нирвана – значит, будет ломка.
...Травка-плант на старом чердаке...
Неисправность, глупая поломка,
Колет, как заноза на руке.
Ветер. Слякоть. Плащ сквозит до дрожи.
Развалился наш смешной уют.
Я – такой же, как и ты, прохожий.
В общей массе нас не узнают...

Веточки вербы

По жизни – крутишься, как белка;
Как спица в тайном колесе...
Плыви от берега – там мелко!
Не бойся плавать – будь как все!
А если дома, возле дверцы,
Ты втихаря осесть решил,
С успехом убеждая сердце,
Что жить полезнее в тиши?
Оставив солнечные краски,
Ты сел за мудрый монитор —
И погрузился в дебри сказки,
В свой мир, где не живет никто...
Тебя не мучит ветер странствий —
Ни днем, ни ночью, при луне.
В очередном пустом пространстве
Мертвы – забота, боль и гнев...
Весенний ливень, дым осенний,
И ласка девичьей руки...
Ты мог бы, как Сергей Есенин,
Собаке посвятить стихи?
Но – что тебе до братьев меньших?
С тобой – великие умы!
...Поля цветов, улыбки женщин...
Экран. Клавиатура. Мышь...
Нет! Если в теплую погоду

Проснутся вербы на окне, —
Беги! Бросайся в реку с ходу!
Плыви – по самой глубине!

Дела житейские

Ах, родные, вы не обессудьте!
В жизни все всегда – не так, как надо.
Будьте под рукой – или не будьте:
Главное – чтоб Он остался рядом.
Поблуждав по зимним перевалам,
Мы блаженно погрузились в лето.
Может быть, таких, как Он, – навалом, —
Я не знаю. Главное – не в этом.
Не учите, мудрые подруги;
Не твердите мне банальных истин.
Мы совпали на каком-то круге —
И летим, как сорванные листья...
Так оставьте брань и ругань дома;
Не коситесь и не прячьте лица.
Мы летим в пространстве невесомо —
Нам уже нельзя остановиться.
Как узнать судьбу обычным людям,
Что умом не очень-то богаты?
Просто – мы вдвоем: и есть, и будем,
Не боясь предсказанной расплаты!
Не поможет нам житейский разум,
Не спасут премудрые расчеты.
Зрелый возраст наступает разом:
Осень, одиночество, заботы...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.